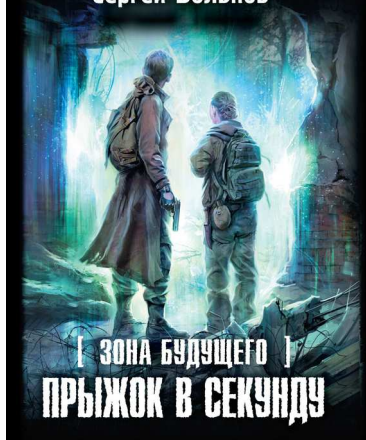

Сергей Вольнов

ЗОНА БУДУЩЕГО
ПРЫЖОК В СЕКУНДУ

Сергей Вольнов
Прыжок в секунду
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Новая зона», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6060106

Зона будущего. Прыжок в секунду: [фантастический роман] / Сергей Вольнов: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-079675-5

Аннотация

По определению, «зона» – это ограниченное, замкнутое пространство. Территория внутри каких-нибудь границ, полоса между двумя линиями или пояс вдоль какой-то черты. Также зоной называется пространство с характеристиками, общими для всей этой области... Вот почему она просто обречена была так называться. Смертельно опасная, хаотически изменяющаяся среда обитания, неведомо как возникшая и неясно где расположенная, набитая всеми грехами мира. Вырваться из которой – почти невозможно... Нормальные люди по собственной воле ни за что не захотят оказаться внутри такого воплощенного кошмара, ни за какие сокровища мира! Но рано ли, поздно ли может наступить роковое время, когда территория бурлящего аномального хаоса уже не будет предварительно «спрашивать» реальных, живых людей: желают или не желают они в ней оказываться? И чтобы выжить, им придется невольно становиться ее «сталкерами». Но в этом хаосе также наверняка могут появиться и люди, для которых быть сталкером без всяких кавычек – не вынужденная необходимость, а жизненный путь, раз и навсегда определенный. Ведь это стало их судьбой не здесь и в другое время. Задолго до появления в этой зоне...

Содержание

Первая часть пути: «Под смертельный отсчет»	6
Пролог (начало)	6
=0=	6
Период «Один»	7
=1=	9
=2=	12
=3=	17
=4=	20
=5=	27
=6=	33
=7=	39
=8=	43
=9=	46
=10=	52
Период «Две»	55
=11=	58
=12=	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Вольнов

Прыжок в секунду

© С. Вольнов

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Посвящается тем, кто проснулся бы...

В будущем обязательно придет день, когда самое ужасное настоящее покажется старыми добрыми временами...

Кто-то очень верно подметил

Если не знаешь, чего хочешь, умрешь в куче того, чего не хотел...

***Оознано многими,
а сформулировал Чак Паланик***

*...в мягчайшую грязь
я сейчас ложусь,
и буду счастлив,
пока не проснусь...*

Чьи-то стихи

Человек притаился в глубине прохода между полуразрушенными домами.

Ожесточенная стрельба уже прекратилась. Его миротворческие усилия привели к тому, что охотники за телами убралась отсюда. Теперь, не выходя из тени, он всматривался в ту часть руин, что располагалась напротив, через улицу.

Когда-то человека прозвали Несси. Это имя досталось ему в наследство от прошлой жизни. И он не отказался так именоваться, очутившись здесь и сейчас. О том, что было раньше, человеку вспомнилось многое, но далеко не все. Он даже не испытывал полной уверенности, что та жизнь являлась прошлой в прямом смысле слова.

И еще Несси очень хотелось бы узнать: он «весь вышел» оттуда? Или просто скопирован, продублирован сюда. А оригинал тоже существует. Где-то, как-то, когда-то... каким-нибудь образом, параллельно.

Главное, что в его памяти уцелели многие знания и умения, которые оченьгодились в этой, будущей жизни. Поэтому Несси удалось найти занятие, наполнившее ее реальным смыслом. Не очень давно он почувал и выбрал себе новую цель. Затем прокрадывался за очередными потенциалами, тайно преследуя их.

Так делал его старший напарник. Точно так же выслеживал и он сам. Раньше, множество раз. Не показываясь на глаза до поры, до времени. Выжидая, пока случится наиболее подходящий момент.

Ловчему желаний совсем не требовалось учиться скрытному преследованию. Пусть он и утратил немало воспоминаний, но основные боевые навыки сохранил. А это был чуть ли не первый «предмет», по которому в свое время ему пришлось сдавать условный экзамен. И оценивал его умения незабытый, не утонувший во тьме беспамятства сталкер Луч. Наиболее строгий из наставников по курсу выживания в среде обитания, далекой от нормальной.

Зона ведь на то и Зона, даже если она вроде бы совершенно другая и расположена не тогда и не там, где существовала «прошлая». Сталкеры же... они сталкеры и есть, какими бы другими словами ни звались.

Хотя здесь, по правде говоря, кое-где ходить было гораздо сложнее, чем по самым трудным участкам отчужденки, канувшей в прошлое. Та незабвенная «черная быль» иногда выглядела просто аллеей для детских прогулок. Если сравнить ее с некоторыми пройденными секторами новой, будущей Зоны.

К этому периоду Несси уже некоторое время следовал за теми, кого обнаружил в очередной раз. И вот наконец-то решил выйти из тени.

Поэтому сталкер дождался подходящего случая и успешно отогнал ненужных свидетелей. Затем переместил за спину тяжелую винтовку системы «Барретт», которую по случаю раздобыл и здесь. Вынул из набедренного кармана запасную футболку, шагнул вперед, поднял руку и энергично замахал подобием белого флага.

Первая часть пути: «Под смертельный отсчет»

Пролог (начало)

Желанная цель только казалась совсем близкой! Дверной проем находился всего лишь в десятке метров, но с таким же успехом вход мог бы располагаться на другом конце света.

Стоило высунуть хотя бы краешек шлема, и длинные автоматные очереди мгновенно прошивали воздух, вечно сырой от постоянно морозящего дождя.

Пули, злобно щелкая, впивались в кирпичи толстой стены, крошили обожженную глину и оставляли в ней рваные углубления. Кирпичные осколки разлетались во все стороны, и часть из них попадала на плечи, спины и шлемы. Отгрызенные от стены кусочки постукивали по спрятавшимся людям, будто сбивчивой морзянкой передавая от пуль угрожающие телеграммы.

Впрочем, для того чтобы щедрые порции смертоносного металла поступали без задержек, даже высовываться не требовалось. Автоматы преследователей и без того не умолкали. Били резкими короткими очередями, словно напоминая и угрожая: никуда не денетесь, скоро достанем и прикончим!

Выстрелы загнали в ловушку двоих людей. Теперь они скрывались за кучей строительного мусора и обломков, в который превратились обрушенные верхний этаж и крыша дома. Пути отступления им перекрыли упорные преследователи. Вот по этой причине было совершенно невозможно выскользнуть из тупика, образованного грудой кирпичей и остатками стены первого этажа. Разве что проламываться сквозь эту стену.

Но люди, загнанные в ловушку, не просто так оказались здесь. Они целенаправленно добивались сюда. Потому что стремились войти именно в этот дверной проем...

=0=

*«...три=одиннадцать=пять=девять=
две=четырнадцать=пятнадцать=две=*

Секунда за секундой. Неумолимый и бесстрастный отсчет. Вот так без конца. Когда царит темнота. Когда мерцает свет. И когда тьма вновь торжествует. А затем снова брезжит свет, на самом деле – почти такой же непроглядный, как тьма. Всегда.

*восемь=шесть=тринадцать=сорок пять=
двадцать семь=четыре=две=двенадцать=*

Отсчет. Неровный, немерный, однако не исчезает никогда. Как биение сердца. Пульс сбивчивый, непредсказуемо меняющий темп, но постоянный. Главный признак жизни. Когда у живого не бьется сердце – отсчет секунд окончен... Прекратится отсчет, что будет? Что будет, если...

*пять=шесть=семь=тринадцать=две=
тридцать восемь=девять=восемь...»*

Период «Один»

Мотор ожил и лязгающим рокотанием сообщил о готовности начать движение. Громокая машина была похожа на гибрид колесного трактора, танка и мусоровоза. Теперь она вздрагивала, словно ожидала с нетерпением, когда будут отпущены тормоза. Кто ее соорудил, откуда она взялась в зарослях, – не получилось узнать. Внутри не обнаружилось никаких четких следов бывших хозяев вроде забытых комбинезонов с записными книжками в карманах. Впрочем, узнавать происхождение машины было и незачем.

Главное, что криво сляпанная, ребристая, угловатая конструкция, как будто выехавшая с экрана боевика в духе «Безумного Макса», подошла как нельзя лучше. Она казалась способной передвигаться и как-то защищать своих ездоков от опасностей. Новые хозяева наткнулись на эту металлическую каракатицу случайно, понятия не имели, чья она была и для чего сделана.

Люди, погрузив свои припасы, забрались внутрь и уже занимали сиденья, готовясь отправиться в путь. Переднее кресло водителя занял мужчина в черном комбинезоне, похожем на полевую форму танкиста, и старой, потертой кожаной куртке. Возрастом лет тридцати пяти, не больше, но с прямыми темными волосами, уже заметно тронутыми проседью, и бородой, которую седина тоже не поспешила выбелить. Снаружи, за бортом, глаза бородача скрывали «капли» со стеклышками грязно-бурого оттенка. Когда он влез в кабину, занял водительское место и снял солнцезащитные очки, на лице мужчины появилось такое выражение, что стало ясно: ему не обязательно прикрывать глаза стеклами мрачного цвета, чтобы увидеть окружающий мир в далеко не радужных тонах.

За спиной водителя, в кормовой части длинной узкой кабины, на продольной скамье устроилась его спутница, худенькая и невысокая. Походная одежда не сумела полностью скрыть изящную, стройную женскую фигурку, но одеяло, которым она укуталась, превратило ее в бесформенный куль. Несмотря на то что сейчас за бортом, снаружи, было светло и в джунглях царила неслабая жара – пассажирка мерзла. А может быть, спутницу водителя лихорадило.

Когда мужчина коротко произнес: «Поехали», – и отпустил тормоза, она высунула лицо из шерстяных складок и прокомментировала: «Давно пора».

– Формула «тише едешь, дальше будешь», Маленькая, для нас теперь не пословица предков, а девиз на щите. Хотя точнее будет сказать, на лобовой броне, ха. – Водитель ухмыльнулся, хотя в глазах его даже искорки веселья не блеснуло, и добавил: – Мы в танке.

– Я сделаю надпись на футболке, Большой, – пробормотала пассажирка. – Только бы мы когда-нибудь добрались до магазина, где они продаются...

Колесно-гусеничный монстр, подминая под днище кустарниковые заросли, с рыком пополз вперед.

Начиная путь.

Ни он, ни она не оглянулись, чтобы в последний раз уловить зрачками последнюю секунду прошлого, оставленную позади.

Так обычно поступают не потому, что оно надоело до тошноты и от него воротит. Люди не оглядываются, чтобы не сглазить. Мудрые предки также наставляют, что если позволить себе оглянуться и пожалеть – дороги не будет, оборвется, едва начавшись. Эти двое решились двинуться с места, переменить судьбу, и впереди их не ждало ничего, кроме страха неизвестности. Не стоило к нему плюсовать и страх совершенной ошибки.

Пока неизвестность не превратится в определенность, никому не дано знать, был сделанный выбор правильным или совсем наоборот.

...Мужчина, названный Большим, спросил:

– Согрелась? Не слабо тебя трясло.

– Это не от холода. Нервное, кажется. – Его спутница Маленькая уже стояла позади кресла водителя, крепко вцепившись кулачками в край спинки. – Сейчас лучше. Внутри кабины не то, что там...

– Я тебя предупреждал! Шляться по «зеленке» – удовольствие сомнительное. Даром я, что ли, сидел дома, носа не показывая без крайней нужды. Но ты молодчина, справилась... Ха, наверное, сказался новоприобретенный опыт экстремального выживания.

– Все шутишь... Даже не представляю, каким чудом тогда уцелела. Старалась не вспоминать, а сейчас как вспомню, так...

– Так и вздрогну, у нас говорят. Еще бы! Вот поэтому тебя и перетрясло не по-детски.

Водитель достал из внутреннего кармана куртки плоскую никелированную фляжку и через плечо, не оборачиваясь, протянул емкость спутнице.

– Глотни. Специально берег, для торжественного случая.

– Это что? – Пассажирка, пошатываясь в такт движению «танка», отцепила правую ладонь от края кресла и взяла флягу, но смотрела на нее с недоверием. – Ты же говорил, что спиртного не осталось ни капли.

– Если бы не сказал так, его и не осталось бы, – проворчал Большой. – Эта штука мне досталась в наследство. Тот, кто завещал, строго-настрого наказал, чтобы по случаю освобожде...

– Где ты его увидел? – перебила Маленькая. – Мы всего-навсего нашли средство передвижения, которое оказалось не мертвым. Повезло, не спорю, что это случилось раньше, чем я умерла от усталости и страха...

– Первый шаг, он трудный самый. Страх в себе побороть сложнее, чем внешний страх. Монстра можно пристрелить, взорвать или зарезать, ловушку или искривление почуять и обойти, а вот чем и как ты достанешь ту дрожащую тварь, которая притаилась внутри, и...

– Давай без философствования, ладно?! Я сама не прочь самокопанием заняться, ты уже знаешь это, но сейчас надо смотреть вперед и высматривать будущих монстров, а не поминать прошлых.

Пассажирка встала поустойчивее, чтобы ненароком не свалиться от очередного рывка, и отцепила от кресельной спинки вторую ладонь. Решительно отвинтила крышечку фляги, поднесла горлышко ко рту и, запрокинув голову, глотнула содержимого.

Шумно выдохнула, перевела дух, ошалело покрутила головой и сообщила:

– Настоящий скотч!

– Кто бы сомневался, вспоминая бывшего владельца. Держись! – Водитель вовремя притормозил, чтобы обогнуть скальный обломок на пару сотен тонн весом, неведомо как очутившийся в гуще зарослей и внезапно возникший чуть ли не перед колесами, и спутница поспешно схватилась за спинку кресла. – Ладно уж. Действительно, что это я разболтался? Еще минутка, и начнется веселье. Вот сейчас эта... э-э, маскировочная лесополоса кончится, выберемся и сразу окажемся на виду у всех.

– У кого?! Что за зверь такой – «всех»...

– О, это самый грозный зверь! У всех, кому не лень видеть и реагировать. Там открытая полоса, я знаю, и нам ее не обогнуть, по густой чаще на такой железяке далеко не уедешь, завязнем в дебрях! Или нарвемся! И без того судьбу искусили по полной программе, ни одной серьезной твари не встретилось... А по пустырю газанем на полном вперед, надеюсь, и проскочим! Ты на всякий пожарный рюкзак надень и оружие под рукой держи...

– На всякий какой?!

Рычание мотора, подстегнутого водителем, усилилось, и обоим приходилось уже почти кричать, чтобы услышать друг друга.

– На случай, если она спохватится! Вот обратит, зараза, внимание на наши телодвижения...

В этот момент самодельный, но вполне обороноспособный и мобильный «танк» выскочил на опушку массива «тропического» леса. В гуще которого и был внезапно найден двумя людьми, чудом уцелевшими в смертельно опасных дебрях этих самых джунглей.

И – началось!

=1=

*«...восемь=шесть=две=шесть=две=три=
семь=тринадцать=двадцать=восемь=
сорок девять=восемь=три=две=пять=*

Не знаю, сколько уже смен тьмы и света, то есть подобий суток, провел здесь. Точно так же я не имею понятия, сколько времени провели здесь мы... Все еще по привычке думаю «мы», хотя остался здесь совершенно один. В полном смысле один-одинешенек! Две тьмы-света тому назад Рубеж попытался перепрыгнуть Эл, и я лишился последнего товарища. Подобно всем прочим, что раньше его пытались преодолеть Рубеж, Эл исчез в ослепительной вспышке. И я остался один.

Один... Да, один на один с проклятым Счетчиком, по-прежнему бесстрастно отсчитывающим все те же безжалостные секунды. Один на один с машинальным безостановочным речитативом моей мысленной «считалочки», что рабски вторит непостижимому ритму пульсаций Рубежа. Пульсу, который улавливает и отображает Счетчик... *две=шесть=девять=восемь=три... У-у-у, ч-черт его раздер-ри!..*

Эти сдвоенные щелчки обозначают «прыжковые секунды», как мы их назвали. И они сводят меня с ума. Подобно тому как уже свели с ума всех остальных людей из нашей группы. Я стараюсь, изо всех остатков сил стараюсь не поддаваться соблазну, но ведь и остальные точно так же старались...

Их больше нет.

Нет их, нет, нет! Все, кроме меня, прыгнули, стремясь угодить в паузу. Желая угадать, когда в проеме Рубежа исчезает смертоносный клубящийся туман и на мгновение образуется чистое «окно» выхода.

Интервалы между паузами-окнами – и об этом нам стало известно благодаря Счетчику – делятся от двух до пятидесяти секунд. Проверено. «Мины есть!» – пошутил бы я, но шутить по адресу Рубежа меня абсолютно не тянет. Эл и Брайю соорудили нечто вроде датчика. Этот самодельный прибор регистрирует периоды прерывания в работе убийственного излучения Рубежа. Или чем он там является на самом деле, этот клубящийся туман в проеме.

Смерть исчезает именно здесь, непосредственно в месте, которое мы назвали Рубежом. Совсем ненадолго, на почти неуловимый миг, но исчезает. Значит, убраться отсюда – можно, без сомнения... Если прыгнуть вовремя.

Вот что ужаснее всего, на самом-то деле! Постоянно иметь перед своими глазами манящий соблазн. Видеть это издевательское напоминание, что шанс освободиться все-таки существует...

Благодаря датчику я имею возможность хоть до самой смерти любоваться бегущими по экрану дисплея цифрами, которые перемежаются парными черточками, похожими на математический знак «равняется». Этот символ графически имитирует сдвоенный щелчок, начало и конец паузы. Между ними промежутки, когда исчезает клубящийся туман. По задумке парней, соорудивших наш Счетчик, он обозначает именно ее, проклятую и вождь-ленную прыжковую секунду.

=2=15=50=40=8=2=17=6=3=11=2=5= и так далее, без остановки.

Никому из наших так и не удалось понять систему. Никто не уловил суть алгоритма, по которому на секундочку исчезает сумрачный туман Рубежа. Открывая свободный выход здесь, в маленьком кусочке пространства, который мы нашли и который снабжен датчиком, названным именем собственным: Счетчик.

Коварный соблазнитель Рубеж, который убил многих из нас.

«Системы просто-напросто нет», – сказала Олра. Затем надрывно, изнеможенно вздохнула и сделала один-единственный шаг.

Она не прыгнула сквозь чистое соблазнительное окно, на секунду появившееся вместо непроглядной туманной взвеси. Тяжелого волгло-серого тумана Рубежа, который непостижимым нами способом залит сюда и сконцентрирован в этом месте. Да, Олра не прыгнула туда, в некое подобие дверного проема, образованного тремя железобетонными плитами, будто нарочно сложенными в форме кривобокой, покосившейся буквы «П», что обрамили и обозначили его.

Олра просто устало шагнула...

*пять=три=две=четыре=девять=пять=
семь=одиннадцать=тринадцать=девять=
восемь=две=семь=пять=четыре...»*

* * *

Открытая местность протянулась вдаль, насколько хватало взгляда, и потому казалась макетом бесконечности. На ней не просматривалось ничего возвышающегося, будто здесь прогулялось стадо исполинских бизонов, смело все на своем пути и утрамбовало копытами почву. А потом, уже после того как по этой пустоши прокатилась бизонья волна, ровная поверхность поросла травкой. Невысокой, но плотной, сплетенной стеблями в сплошное ковровое покрывало.

И вот по этому подобию степи теперь необходимо было рвануть в иллюзию бесконечности. Светлой порой на открытой местности шансов выжить ощутимо больше, чем во тьме. В лабиринтах, дебрях и чащах эта разность масштабов опасности – меньше. Там разница между светом и тьмой вообще гораздо более условная. Везде ли оно так, мужчина за пультом управления «танком» не имел понятия. Но это было именно так в пределах округи, которая ему стала известной по предыдущим рейдам.

Большой сообщил об этом своей напарнице. Прямой курс в открытое море травянистых зарослей. И на полном – вперед!

Но стоило лязгающему, рычащему средству передвижения выскочить из джунглей, как сразу же появилась и погоня. Она словно бы не пожелала, чтобы стальной монстр вырвался на простор, и метнулась за ним из густой массы джунглей, похожих на серо-зелено-коричневые клубы дыма, не рассеивающегося никогда.

Вслед машине бросился живой монстр. Впрочем, точнее было бы сказать, что – скользнул. Потому что больше всего существо смахивало на гигантскую змею со множеством лапок, хотя из треугольной головы этой многоножки торчали уши, как у осла или зайца. При движении они раскачивались и рассекали воздух, как заправские сабельные клинки. Смертоносные лезвия метров трех длиной...

Тварь приближалась слишком быстро, и даже на форсированном режиме «танк» не мог оторваться от нее. Большой крикнул: «Не падай!!!» – и резко затормозил. Взрывая колесами и гусеницами глубокие борозды, разметывая во все стороны траву и землю, стальной монстр почти остановился и крутнулся, развернувшись на месте. Его лобовая броня смотрела прямо в морду приближавшейся исполинской гадине.

– Дай я! – воскликнула девушка.

Она цепко держалась за спинку кресла, и экстренное торможение не сбilo ее с ног. Теперь напарница водителя прыгнула к потолочному проему, который открывался в пятиугольный купол, грубо и криво сваренный из стальных плит. Орудие, смонтированное вверху, сложно было назвать артиллерийским, ствол как таковой у него отсутствовал. Сквозь переднюю бойницу торчала направляющая с чередой колец, прикрепленных к ней, и жгутовым сплетением кабелей снизу. Одним словом, гаусс-пушка, и она целилась прямо в пасть змеевидной многоножке с длинными ушами.

Дуэль получилась короткой, но яростной. Первый выстрел грохочущим огненным лезвием отсек левое ухо-саблю, хотя наводчица вряд ли хотела настолько ювелирно попасть в цель. Рев монстра был почти осязаем, и если бы мог сфокусироваться, то снес бы бронемашину, перевернул и опрокинул. Второй заряд, ревя не хуже монстра, поразил одну-ухую многоножку... прямо в разъявленную треугольную пасть, из которой уже высовывался извивающийся канат языка и тянулся, тянулся вслед убегающей жертве. Разогнанный до невероятной скорости огненный болид врезался в дыру, из которой язык высовывался, и голова ушастой змеегусеницы буквально лопнула, разлетелась на мелкие кусочки от точного попадания из электромагнитной пушки. Оставшееся ухо отделилось целиком и улетело вверх. Обезглавленное тело споткнулось на ходу всеми своими ножками и мигом отстало от машины, которая после выстрелов сразу двинулась прочь задним ходом.

– Да ты прямо снайпер, – спокойно констатировал мужчина, управляющий ею.

По расслабившемуся лицу видно было, что страшное напряжение только в эту секунду отпустило его.

– Повезло, – буркнула Маленькая, сползая из купола вниз, в кабину. – У страха глаза... меткие. Но вообще на охоте мне бывать приходилось. У нас дома места такие, всякое зверье попадает, даже волки...

– Эх-х, я бы сейчас не отказался побегать от обычных волков! – Большой мечтательно покачал головой.

Подчиняясь его рукам, бронированный монстр вновь развернулся кормой к джунглям и солидно рокотал двигателем, унося двух людей прочь от края «зеленки». Водитель не форсировал, но и не медлил.

– Посматривай там, сзади, – велел он. – Вообще теперь основная твоя задача – обзреть тыловые сектора и вовремя...

– Прикрою задницу, прикрою, – заверила напарница. – Поняла уж, что мне досталась роль хвостового стрелка.

– Спину, а не задницу. И спасти нам души надо, но не задницы. Да, правильно говорил Михаил Николаевич о кардинальной разнице менталитетов.

– Это кто? Один из твоих бывших товарищей по группе?

– Не-е... Это один известный писатель-сатирик из моей бывшей жизни. Бодрый мужчина и хороший товарищ, наверное, но не уверен, что обрадовался бы, доведись повстречать его здесь.

– Я бы точно не обрадовалась, встретив здесь любого из... прошлых знакомых. Как-то грустно сознавать, что и у них...

– Если бы это было самым тоскливым, что нам здесь пришлось осознать... Попытался бы твой родной и близкий тебя же пустить на фарш, вот бы ты повеселилась!..

– Я уже в курсе. Или самой убить его пришлось бы, или позволить себя перемолоть. Выбор тот еще.

– Да, черт возьми, выбор у нас небогатый. Или будь один, или верь в то, что тебе повезет встретить хоть кого-то, не переполненного желанием тебя сожрать. Но веря в лучшее, готовься к худшему. Точней, к самому худшему из всего, что мы вообще способны вообразить.

– Надеюсь, нам все-таки сейчас повезет. Там что-то странное приближается, – сообщила Маленькая; она в этот момент, выполняя задачу тылового обеспечения, выглядывала в смотровые окошки левого борта. – Смотри в направлении на семь часов.

Водитель глянул в одно из перископных зеркал заднего вида, которые не поленились установить неведомые строители этой эксклюзивной бронемашины, неведь где сооруженной, прежде чем стать коллекционным трофеем и угодить в сердце джунглей.

– Ну, вот и очередная тварь явилась по наши... задницы! – сказал мужчина веселым тоном, но в глазах его стыла тоска.

– Спины, спины. И души, – улыбнулась девушка, но и в ее глазах веселья не было ни малейшего...

Больше всего это смахивало на торнадо. Миниатюрное такое, всего лишь пару десятков метров ростом и диаметром с дерево в пару обхватов. Оно извивалось и приближалось. Прямо к несущейся по полю машине с двумя людьми внутри. Будто запущено было прямо в нее. А может, без всякого «будто»...

– Слишком быстро несется, мы не успеем. – Голос водителя звучал спокойно. Но сразу после этого он прикусил губу. Возможно, чтобы не застонать от бессилия.

Девушка едва слышно подтвердила:

– Да... И спрятаться негде.

Действительно, вокруг них расстелилась плоская, как ледовый каток, степь. И даже если там, за горизонтом, не бесконечность, а какой-нибудь дремучий лес, или скальный лабиринт, или развалины города... двое туда просто не успеют добраться вовремя. До того момента, как насланное «торнадо» настигнет их, схватит и закружит в объятиях смертельного танца...

– Вижу!!! – внезапно отчаянно вскрикнул Большой.

– Что?! Где?! – почти истерически вторила ему Маленькая. Выдержка в этот миг оставила ее, у девушки просто не хватило нервов и дальше пытаться сохранять видимость стоического спокойствия.

– Овраг вижу! Вот, вот, смотри... Расселина!

Напарница, лихорадочно осматривавшая тылы и фланги, метнулась по кабине вперед и посмотрела прямо по курсу. Там, в волнах травянистого моря, действительно появилось нечто вроде понижения уровня, внезапная расселина в земле. Словно трещина в почве или царапина, оставленная исполинским когтем...

– Выбирай! – крикнул мужчина. – Сворачиваем или прямо туда!!!

Выбор им выпал скудный. Никакого альтернативного третьего варианта.

Продолжать мчаться в степь или нырять в овраг, что вел к зеву, темневшему там, в дальнем конце трещины, и уводил под землю. А под поверхностью наверняка поджидали до того чудовищные ловушки и напасти, что пылевое завихрение атмосферы в сравнении с ними могло показаться миленьким цветочком...

– Смотри, смотри! – Девушка вдруг стукнула мужчину по плечу кулачком и резко подавалась вперед, будто захотела прильнуть к лобовому иллюминатору лицом.

– Ви-и-ижу... – уже совершенно другим тоном исторг это слово Большой. – Серееет...

– А вдруг нам повезет и как раз рассеется?! Мы проскочим!

И если бы эти отчаянные слова не выкрикнула девушка, тогда нечто подобное обязательно озвучил бы мужчина.

В самом деле, а что им еще оставалось?..

=2=

«...тридцать три=четыре=десять=»

*две=семнадцать=три=две=три=
пять=шестнадцать=семь=две=три=*

И произошло это уже девять тьма-светов назад. После усталого шага отчаявшейся Олры в смерть нас осталось двое: Эл и я. Только двое из двадцати трех, что образовывали группу вначале. Всего двое из двух с лишним десятков, угодивших сюда, в ЗОНУ. Я и он – из почти двух дюжин попавших в ее капканы людей...

Прыгнул, шагнул, и «ага»! Мгновенная вспышка, злобное шипение, и нет человека. Там, по ту сторону, никто не убегает прочь от рубежа смерти, осчастливленный избавлением...

Да, нам не удалось уловить четкой системы, руководящей возникновением сквозного отверстия вместо тумана. Настоящий хаос, броуновский беспредел какой-то царит в схеме прерывания, если в ней вообще имеется какая-то схема.

Единственное, что доподлинно известно, – минимальная и максимальная длительности промежутков между спасительными секундами. Размеры интервалов между неуловимыми мгновениями, когда смертельная энергия исчезает. Продолжительность отрезков между паузами, что коварно сулят возможность прыгнуть сквозь Рубеж, не сгорев ясным пламенем в пр-рокнутом этом тумане, и остаться в живых, и уйти прочь... Так вот, эти спасительные промежутки между прыжковыми секундами всегда не меньше двух и не больше пятидесяти секунд. Стандартных, «наших», человеческих секунд.

Брайю сгорел первым из всех, однако перед своим прыжком именно он измерил эти временные интервалы и с помощью Эла соорудил датчик. Собственно, «прыжковая секунда», когда они ее отмерили хронометром, оказалась примерно наполовину меньшей по длительности. Высокоточные часы были выужены из наваленной кучи разнообразных вещей, той, что мы неожиданно обнаружили километрах в пяти от Бункера. Если встать спиной к *П*-образной точке отсчета координат нашей внутренней вселенной – направление на одиннадцать часов.

Мы нечасто отваживались настолько далеко прокрадываться, всерьез отдаляться от Рубежа, но тяжелейшие вылазки стоили риска. В том рейде, например, нами было раздобыто немало жизненно необходимых трофеев. Некоторые из них до сих пор позволяют выживать мне, последнему из нас. Арьергардному нашей группы. Одиночке, загнанному в тупик, как крыса, забившаяся в глухую нору без другого выхода...

Даже когда нас было много, мы не решались уходить от Рубежа. Не осмеливались надолго покидать участок, расположенный в непосредственной близости от клочка замкнутого в проеме, клубящегося тумана всех оттенков серого цвета. Бродили, ползали, метались вокруг Рубежа, все искали, искали, искали способ освободиться... Самой популярной гипотезой было предположение, что где-нибудь может обнаружиться не мерцающий, а постоянно открытый проход. Не издевательски подмигивающие аналоги нашей импровизированной «калитки», но именно дверь. Настоящая возможность уйти прочь.

Ну или хотя бы какой-нибудь «сломанный» проход с паузой, которая длится дольше. Длится полновесную секунду... Срок, позволяющий человеческой реакции не только вовремя засечь шанс, но и воспользоваться им.

Выпрыгнуть из ЗОНЫ...

Только вот здешняя реальность безжалостно растоптала наши надежды. Да, прыжковая пауза короче, чем стандартная секунда. Так сказать, земная, если принять на веру гипотезу, выдвинутую Элом, который утверждал, что ЗОНА на самом деле обретается не на Земле, а на какой-то другой планете. Лично я в этом совершенно не уверен. Точнее, не хочу верить. Скорей уж мне захочется поверить в некое искривление пространства, в аномальные изменения законов природы. А то как подумаешь: мало того что вокруг ад крошечный, так еще и родной мир черт знает где остался... и совсем уж паскудно на душе становится.

Однако мы все равно назвали эту краткую паузу секундой, а не какой-нибудь полусекундой или недосекундой. Ее, эту вожделенную щелочку, что возникает в непреодолимой препоне Рубежа через интервалы времени, не поддающиеся осмысленной систематизации...

Наш человеческий слух вполне успевает отчетливо уловить оба щелчка датчика. И первый, который обозначает начало, и второй, который сообщает об окончании прыжковой секунды. Однако наша зрительная, мышечная, нервная или какая там еще, ч-черт ее дери, реакция просто не успевает сработать. Значит, ей просто-напросто не хватает этого мизерного отрезка времени, чтобы впрыгнуть между черточками знака «равняется», и...

Никто не успел.

Четырнадцать вспышек, последовавших за четырнадцатью прыжками, и я остался один. Еще восьмеро наших просто не успели прыгнуть, потому что погибли здесь раньше, чем решились. Их забрала ЗОНА, прежде чем они реализовали право на попытку выпрыгнуть вон.

Нормальный человеческий организм за такой сверхмалый срок не успевает стартовать и набрать скорость движения, достаточную для прыжка. Ну вот не способен человек, так сказать, вписаться в «двойной клик» компьютерной «мышки»!

Вполне возможно, было бы иначе, длись это спасительное мгновение дольше. Тянись оно целую полновесную секунду.

Быть может, прав был англичанин Джек, когда однажды высказался в том смысле, что стандартная секунда появилась и человечеством издавна отмеряется отнюдь неспроста. Это единица измерения времени, минимальная для нашей физиологии. Именно она является пределом человеческих возможностей. В отрезок времени меньший, чем секунда, мы, обычные представители своего биовида, просто не в состоянии и воспринять, и среагировать. Полсекунды нам хватает только на то, чтобы воспринять. Сделать – мы уже не успеваем.

Но в том-то и проблема, что я знаю и все остальные тоже знали: прыгнуть сквозь серость Рубежа и уйти невредимым очень даже реально. Вполне можно.

Это не плод воображения, не какая-то там несбыточная мечта, а доступная, выполняемая задача.

*сорок шесть=двенадцать=восемь=
семь=четырнадцать=тринадцать=семь=
девятнадцать=тридцать две=семнадцать...»*

* * *

– Но почему ты вообще решил, что сквозь эти штуки можно вернуться? – спросила она. – Мне как-то слабовато верится, что эта местность расположена... э-э, где-нибудь в наших краях.

Он не ответил. Ему просто нечего было сказать. Во всяком случае, в эту секунду ответить он просто не смог бы при всем желании.

Мотор заглох, повинувшись движениям рук водителя. Бронемашина застыла посреди ледяной равнины. Лед здесь расстилался повсюду, по крайней мере в поле зрения ничего, кроме льда, не попадало. Ледовая поверхность не была однородной и гладкой, «катком» равнину назвать было нельзя даже с натяжкой. Торосы, перепады, намороженные глыбы, трещины и рябь наслоений, где-то волнистая, сглаженная, а где-то с рваными, острыми краями...

Все как положено. И можно было закономерно решить, что вокруг арктические или антарктические просторы, если бы... Если бы не одно совершенно невероятное, фантастическое несоответствие.

Температура воздуха в этой ледовой вселенной, судя по ощущениям, и близко минусовой не являлась. Более того, она не являлась даже условно прохладной, в районе нескольких градусов выше ноля по шкале Цельсия. С такой температурой еще можно было бы вполне допускать, что лед не растает... Однако воздух здесь был по-настоящему горячим, хорошо за плюс тридцать, чуть ли не сорок градусов. Лед же, распростершийся вокруг до самой линии горизонта, преспокойно не таял.

Хотя с виду казался самым настоящим льдом, то есть водой в твердом, замороженном состоянии. Которой по всем нормальным законам природы положено возвращаться в жидкое состояние при плюсовой температуре, а при достижении плюс сотни градусов – переходить в состояние газообразное.

– У меня такое ощущение, что жаркая прерия вывернулась наизнанку, – проворчала девушка. – Поверхность земли изменилась, воздух остался прежним.

– Очень точное сравнение, – похвалил мужчина, через лобовое бронестекло разглядывающая окружающую среду. – Но мне кажется, этот лед... м-м-м, не из воды. Он просто не может быть водяным, если предположить, что основные законы физики и химии здесь... э-э, тоже не вывернулись наизнанку.

– Вот это меня уже меньше всего удивит, – буркнула девушка. Еще раз оглядела ледовые красоты, раскинувшиеся за бортом бронемашин, и спросила: – Будем высаживаться? Меня как-то не тянет гулять по этому льду, хотя вообще-то я с детства, сам понимаешь, лед и снег видела чаще, чем траву, песок и глину.

– Меня тоже. Но в любом случае вряд ли имеет смысл разворачиваться и возвращаться. Тут нам по крайней мере пока что напрямую ничего не угрожает.

Он опустил взгляд и посмотрел на экранчик вспомогательного дисплея, который проецировал изображение с кормовой камеры. «Вид сзади» демонстрировал нагромождение ледяных глыб, сложившихся в подобие арки. Цвета окраски ледовой субстанции, выдержанные в голубовато-серых тонах, почти не отличались от оттенка внутреннего, ограниченного этими глыбами пространства. И если бы не промелькивающее там, внутри, нечто рыжеватое-коричневое, резко контрастирующее, почти невозможно было бы определить, что с этим арочным образованием «что-то не то» творится.

– Сплюнь через левое плечо три раза, – посоветовала она. – Ты сам меня так учил, чтобы не притянуть неудачу.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – повернув голову налево, последовал он совету. – Не могу знать, конечно, подчиняется ли здесь хоть что-нибудь алгоритмам бытия и сознания, привычным нам, только на всякий случай не мешает подстраховываться. Ты права, Леди Удача – наша чуть ли не единственная союзница.

– Надеюсь, – коротко прокомментировала она.

– Если не считать этой машинки, – добавил он, – которая нам уже помогла избежать опасностей и поможет...

– Что поможет? Отыскать полынью или еще какую-нибудь лунку во льду? Отыщем, и что дальше? Ведь придется выбирать, бросать машину или нет. Под защитой брони катиться в неизвестность – это здорово, конечно, только вот танк далеко не во все... э-э, ворота пролезет.

– Да, я как-то об этом не подумал, – признал он. – Мне казалось, что нет лучшего способа передвижения по крайне враждебной территории. Может, это генетическая память, ведь мой папа имел звание капитана танковых войск, а дедушка был фронтовым шофером...

– И ты был совершенно прав при условии, что главная проблема – это решиться выйти. Поэтому танк нужен был, чтобы найти подходящий выход. Мы нашли броню на колесах, и набрались смелости, и отправились в поиск. А сейчас, похоже, выясняется, что главная